

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 20 (2335). Суббота, 17 мая 1947 г. Цена 50 коп.

1 стр. Передовая. Великий и возвышающий пример. Аугуст Якобсон. Жизнь в цитадели (отрывок из пьесы).

3 стр. Лев Кассиль. Лицо книги. Я. Каменикий. Пунта и вульгаризация. Б. Руини. Проверка временем. С. Кричинный. О партийности науки и «беспартийном» изложении фактов.

ВЕЛИКИЙ И ВОЗВЫШАЮЩИЙ ПРИМЕР

«Человечество имеет в своей истории немало великих, гениальных людей. Но Ленин и Сталин — единственные в своем роде. Они великие люди не только сами по себе. Они уходят своими корнями в массы, с ними кровно связаны лучшие идеалы и стремления трудящихся мира» (М. И. Калинин).

Велика тяга народа к изучению биографии Ленина и Сталина. Чтение этих книг вызывает в каждом патриоте горячее стремление служить социалистической отчизне так же беззаветно, как Ленин, как Сталин. Советские люди с волнением вспоминают слова товарища Сталина: «Если бы каждый шаг в моей работе по возвышению рабочего класса и укреплению социалистического государства этого класса не был направлен на то, чтобы укрепить и упрочить положение рабочего класса, то я считал бы свою жизнь бессильной».

ЖИЗНЬ В ЦИТАДЕЛИ

Аугуст ЯКОБСОН

В пьесе эстонского писателя Аугуста Якобсона «Жизнь в цитадели», постановка которой явилась значительным событием в культурной жизни Эстонской ССР, разоблачено явление апolitичности у известной части эстонской интеллигенции. Профессор древних языков Аугуст Мийлас окружил свой дом высоким забором, превратив его в своеобразную «цитадель», куда, по его мнению, не должны проникать волнения окружающей жизни и ее скрупулы и грязь.

Восьмая картина

Гостиняя в доме профессора Мийласа. Воскресенье, после обеда. Профессор Мийлас и писатель Лиллак играют в шахматы. Ральф ради развлечения наблюдает игру — он беспокоен, словно ждет чего-то. Доктор Мийлас, пассивная, как обычно, раскладывает карты перед архитектором Вярехейном.

Жизнь в цитадели

Либо подобного, хотя и не уметь представить себе, как это случится. (Двое бойцов начинают надевать наручники доктору Мийласу.) Доктор Мийлас (вне себя) Боже... о боже... не трогайте! Будите людей! Не трогайте! (Тихо склудит лозья зубы.) Майор Куспап (серпанту, который сходит до внутренней лестнице с пальто Ральфа): Вы осмотрели его комнату? Сержант. Поверхностно, товарищ майор. (Рассказывает). Пока обнаружена скрытая в стене небольшая станиция... В вентиляционной трубе была спрятана жесткая коробочка, в которой оказалась примесь с поллитрой лотыма золота. Главным образом золота и зубы. Лейтенант производит сейчас более тщательный обход. Писатель Лиллак (повторяет тихо). Зубы? Майор Куспап (писателю Лиллаку). Да, зубы. Вы, вероятно, уже знаете из газет, что подобно имуществу никогда не зарывали в землю вместе с его владельцами (бойцам). Потеряли, товарищи. (Приносит из перелетной шинели, надевает ее). Спокойной ночи, товарищ Лиллак. (Воле баблонской девки обрачивается, и, попрошившись по-военски, приложив руку к фуражке, выдвигает каску с автоматическим выключателем). Писатель Лиллак (сидит, курит, задумчиво глядя в пространство).

При библиотеке Харьковского дворца культуры железнодорожников им. Сталина создан общественный актив книгоном, обслуживающих работников Южной железной дороги. На снимке: группа активистов книгоном.

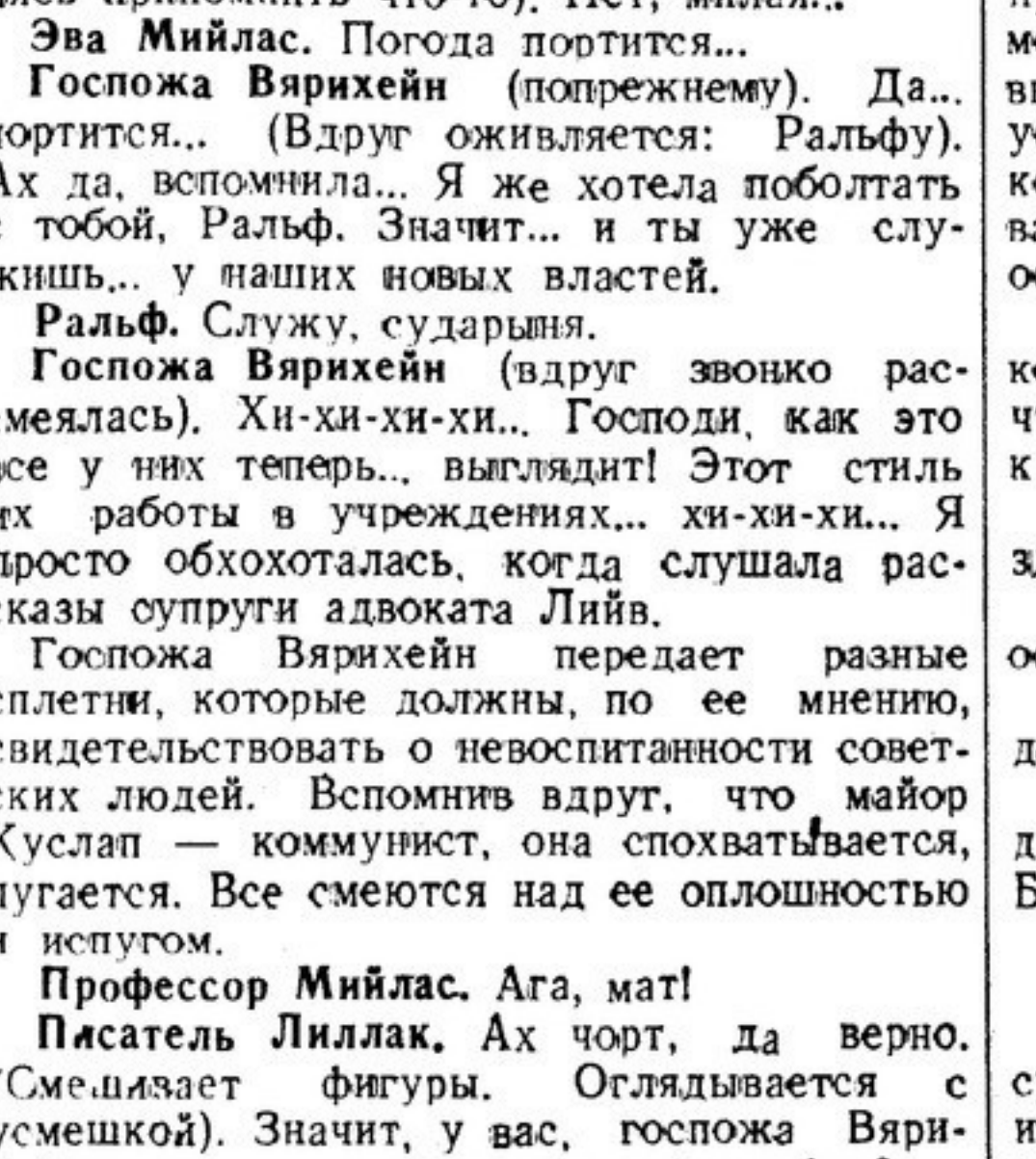

Фото И. Хейфеца (Фотокорреспондент ТАСС).

При библиотеке Харьковского дворца культуры железнодорожников им. Сталина создан общественный актив книгоном, обслуживающих работников Южной железной дороги. На снимке: группа активистов книгоном.

Выдающийся большевистский деятель, друг советской литературы

Два года тому назад, в дни, когда народ Советского Союза с радостью и ликованием встретил весть о капитуляции фашистской Германии, до народного сердца дошло скорбное известие о смерти одного из выдающихся деятелей большевистской партии, секретаря ЦК и МК ВКП(б), начальника Главного политического управления Красной Армии — Александра Сергеевича Щербакова.

Александр Сергеевич ушел от нас в дни, когда дело, которому он с юношеских лет отдавал всю свою энергию, всю силу своего сердца, увенчалось еще одной победой всемирно-исторического значения. И тем острее была боль утраты.

Имя Александра Сергеевича Щербакова широко известно советскому народу. Юношей, почти подростком в первые годы советской власти вступил он на путь большевистской революционной деятельности. Он был одним из организаторов комсомола в родном моем городе Рыбинске, который ныне с гордостью носит его имя. На комсомольской и партийной работе прошел Александр Сергеевич суровую и славную школу профессионального революционера и в этой работе вырос в одного из выдающихся деятелей большевистской партии. Неугомонный организатор и пламенный пропагандист большевистских идей, он пользовался любовью и доверием героического коллектива строителей Горьковского автозавода, трудящихся Ленинграда, Сибири, Донбасса, где он возглавлял партийные организации, Верный Сталина, А. С. Щербаков был долгие годы руководителем большевистского столба. С глубокой любовью хранят память о А. С. Щербакове воины Советской Армии. Он направил партийно-политическую работу Красной Армии в самые трудные и славные годы ее истории. В великое дело патриотического воспитания вновь-победителей вложено огромное дело его вдохновенного труда.

Нам, советским писателям, имя Александра Сергеевича дорого еще и потому, что будучи выдающимся культурно-просветительным ЦК ВКП(б), ответственным секретарем правления Союза советских писателей и руководителем Совинформбюро, он много сделал для процветания советской литературы и проявил себя в общении с писателями как твердый, всегда принципиальный большевик, стальной, чуткий, внимательный, нередко тактичный старший товарищ и друг.

Александр Сергеевич пришел к нам, в Союз писателей, в ту пору, когда, в осуществление постановления ЦК партии от 23 апреля 1932 года, завершались оформление союза, объединившего в своих рядах советских писателей всех направлений. И в этот момент, на первом съезде советских писателей ответственным секретарем правления союза, Александр Сергеевич, работая рука об руку с Алексеем Максимовичем Горьким, весь свой огромный опыт большевистского организатора отдал на дело укрепления писательской организации, на дело создания сильной, большевистски направленной организации.

устремленной, талантливой литературы молодого социалистического общества. Большая сила воли в сочетании с величайшим тактом помогли Александру Сергеевичу преодолеть все трудности в новой для него и чрезвычайно сложной работе. Он боролся с предрассудками прошлого, охватывавшими писательскую среду, постепенно и последовательно устранял из жизни литературной организации пережитки групповщины, индивидуалистической замкнутости. Он настойчиво вел писателей к самому тесному повседневному общению с широкими массами трудящихся, был неутомим, чутким и умным проводником большевистских идей и большевистского стиля работы среди писателей. В личности Александра Сергеевича писатели видели пример творческого коммуниста, в нашей литературе — творческое начало в нашей литературной деятельности.

Широкий демократизм был стилем работы Александра Сергеевича. Двери его рабочей комнаты в правлении Союза писателей были всегда широко открыты для писателей. Беседу с Александром Сергеевичем открывал ему все свои переживания, сетя на трудности, делая ли творческим замыслам, каждый из приходивших к нему писателей знал и чувствовал, что разговаривает с другом, криво заинтересованным в том, чтобы спорилось творческое дело, с человеком, глубоко и тонко познавшим особенности литературного творчества, проникшим в тайные тайны каждого плодотворно работающего писателя.

Мы уважали Александра Сергеевича и за то, что никогда он не пускал слов на ветер, и, если ему казалось, что человек находится в затруднительном положении и он обещал свою помощь, можно было быть уверенным, что это обещание не будет забыто и помощь будет оказана скоро и эффективно.

Александр Сергеевич Щербаков

взвешенный шаг. Александр Сергеевич всегда говорил писателю правду. Если писатель был в положении, которое тот или другой человек занимает в литературе, этим он проявлял прекрасное качество большевистской принципиальности, пронизывавшей всю его деятельность и в нашей литературной организации, и во всех областях жизни Советского Союза, с которыми он соприкасался. Таким вот хорошим, добрым, твердым и принципиальным другом и сохранился Александр Сергеевич Щербаков в нашей памяти.

Однимнадцатилет тому назад Александр Сергеевич ушел с поста ответственного секретаря правления ЦСП на партийную работу. Но до самого дня его смерти не прерывались связи писателей с этим замечательным большевиком-сталинцем. Смерть вырвала Александра Сергеевича из наших рядов. Но советские писатели будут из поколения в поколение передавать память о нем, как эстафету большевистской партийности литературного дела.

А. С. СУРКОВ.

Подвиг Ленинграда

Что происходило в Ленинграде в дни блокады, в этом городе, где война ежедневно вторгалась в повседневный быт? Где каждая остановка трамвая была пристрелена немецкими артиллерийскими орудиями? Когда так страшно трудно было доставать из Невы воду?

Рассказать обо всем этом нашим детям — почетная и прекрасная задача, за которую взялся писатель и художник — Николай Тихонов и Алексей Пахомов.

Их чудесно оформленная книга большого формата только что вышла в свет. Рисунки ленинградского художника А. Пахомова были известны ленинградцам еще в дни блокады. Его карандаш шел непосредственно по следам событий. Это был неутомимый, неутомимый и в то же время глубоко человеческий карандаш. Избегающий натуралистических подробностей и сентиментальности, он воспроизводил картины города с точнейшей достоверностью, с тонким мастерством.

Что касается Н. Тихонова, то кто же не знает его ленинградских рассказов? Тихонов был первым, поднявшим «ленинградскую тему» в стихах и в прозе.

Он был настойчив и чуток в поисках душевных черт советского человека. Рассказав о нем взрослым читателям, Тихонов пересказал это детям в «Ленинградском альбоме». Здесь с почти исчерпывающей полнотой дана история блокады, начиная с расказа «Вар у ворот» и кончая — «27 января 1944 года», незабываемым днем салюта освобождения города Ленинграда.

«Ночи Ленинграда», Пржекторская, ищущая мрачное небо, «светящиеся лампы», повешенные немцами в черном воздухе, падение бомбы, далекие и близкие пожары. И на этом зловещем фоне ленинградских девушек, комсомолок, бара, гуляющих на крыше, зорко глядят из-под руки выск.

Каждый небольшой рассказ Тихонова и каждый рисунок Пахомова дает индивидуальный портрет человека. Собранные все вместе, эти портреты дают суммарный портрет города.

«Путь в стационар». Изменяющая от слабости женщины берет на салазки мужчину. «Трудно было сказать, сколько ему лет, потому что он давно не брился и весь зарос колочий, мерзвенно-синей щетиной». Через каждые три шага он падал навзничь. И женщина, везя его на санки...

«Господи, протрусь со мной высокая костлявая женщина, с упрямой выражением губ, синих губах, походивших на ушами, подняла его резко, посадила и громко три раза прокричала ему на ухо:

— Гражданин, сидеть или смеяться? Сидеть или смеяться? Сидеть или смеяться? Сидеть или смеяться? Сидеть или смеяться? Сидеть или смеяться?

Этот голос, послышавшийся Тихоновым, был суров и беспощаден. Но это был голос жизни, противоположный обволакивающей истоме смерти.

В борьбе за город проявились драгоценные свойства того, что можно назвать «советским характером».

Перед нами крошечный целый мир ленинградцев. Женщины, очищающие вешенные улицы от льда и снега, партизаны, привезшие в Ленинград продовольствие, девушки-зенитчицы, девушка-фегулировщица, девушки-красношницы, эти первые ласточки весны восстановления, мальчики у станков, работающие, как взрослые, — а в каждом рассказе и каждом рисунке мы видим эти юные лица с их взрослым упорством в глазах и легкой улыбкой.

В «Ленинградском альбоме» присутствуют не только подростки, но и дети. Девочки, увидев свои куклы с оторванной ручкой, плачут, плачут, плачут. «Мама, мама, мою Ваську убили!»

«Потом пошла она на руки, глаза куклы закрылись, и девочка радостно закричала: — Мама, мама, она только ранена, она заживет!»

8 июля 1945 года, осыпаемые цветами, шли по улицам Ленинграда гвардейцы, дошедшие до Берлина и вернувшиеся теперь в родной город. «К командиру, шедшему впереди своего батальона, протиснувшись маленький-маленький мальчик. Он протягивал ему морозное — детское лакомство эскимоса».

Офицер сказал ему: «Что ты, что ты! Сам шиб, дорогой!»

Но мальчик упорно тянул ему морозное, и бабушка «казала, утирая слезы от волнения: Возьмите, возьмите, товарищ командир. Ох, какой, чтобы вы взяли. Это продукт по нулю такой».

«Мама, мама, мою Ваську убили!» «Потом пошла она на руки, глаза куклы закрылись, и девочка радостно закричала: — Мама, мама, она только ранена, она заживет!»

«Ленинградский альбом» Тихонова и Пахомова — это повествование о тех днях Ленинграда, которые никогда не забудутся ни пережившими взрослыми, ни детьми, которые со временем станут взрослыми, ни детьми их детей.

Не пугая своих юных читателей, но и не скрывая от них правды, с огромным художественным тактом рассказывает Тихонов о событиях ленинградской эпопеи.

Он не морализирует, не учит, не настаивает. Но прочитав эту книгу, каждый почувствует: «Я хочу быть таким, как эти люди!»

«В те дни, Ленинградский альбом». Рисунки А. Пахомова, текст Николая Тихонова. М.—Л. Детгиз. 48 стр. 75.000 экз.

В БОРЬБЕ ЗА УРОЖАЙ

Решения февральского Пленума ЦК ВКП(б), 15-го Пленума ЦК КП(б) УССР, Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героев Социалистического Труда передовым мастерам высоких урожаев нашли широкий отклик среди литературной общественности Украины.

В органе Союза советских писателей Украины «Литературная газета» систематически печатаются материалы, посвященные проблемам воплощения в художественной литературе образов советской колхозной деревни, задачи включения писателей в борьбу за выполнение решений партии и правительства. Особый интерес представляют два документа, опубликованные недавно в «Литературной газете».

«Герои Социалистического Труда станут героями наших произведений», — так озаглавлено открытое письмо (ЛП, № 13), с которым обратился к знатнейшим колхозникам Украины группа ведущих украинских писателей, среди которых мы находим имена А. Корнейчука, П. Тычины, М. Рильского, М. Бажана, А. Малышко, Ю. Яновского, Л. Первомайского, В. Сосорова, П. Панча, Ю. Смолыча и др.

В своем обращении писатели пишут: «С великой радостью мы, литераторы Украины, встретили Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героев Социалистического Труда передовым мастерам высоких урожаев. Мы гордимся тем, что среди этих прославленных сынов и дочерей советского народа имеются ряд передовиков нашей республики, воспитанных великой партией Ленина—Сталина».

Авторы письма, подчеркивая всю ответственность, возлагаемую на художников советской страны последними решениями партии, указанными товарища Сталина, берут обязательства с честью выполнять свой долг перед родиной, перед народом и всеми силами помочь в осуществлении важнейших исторических задач:

«...мы обещаем показать в художественных произведениях нашу жизнь и ваш труд. Герои Социалистического Труда станут героями наших произведений».

Обращение писателей нашло живой отклик у колхозного крестьянина Украины. Мысли и настроения миллионов трудящихся социалистической деревни искренно и восторженно выразили колхозники артисты «Червоныи гиряны» (Великопольский район, Киевская область) в своем ответе на обра-

Литературная Газета

«Литературная газета», опубликованном в № 15 «Литературной газеты».

Авторы ответного письма, среди которых немало бывших участников Отечественной войны, гордо свидетельствуют патристическую инициативу мастеров слова. Они с благодарностью вспоминают о громадной работе, проделанной многими писателями-фронтовиками в дни схватки с фашизмом, о том, как большевистское слово «поднимало дух солдат, зажигало жажду подвига, поднимало тысячи и тысячи людей на великие и славные дела».

«Мы ведем войну за урожай», — пишут колхозники «Червоного гиряны», — и это опять-таки война против хищного империализма, против врагов Советского Союза... Действуя по всем правилам сталинской стратегии, вооруженные передовой советской агрономической наукой, мы ведем наступление за урожай».

Мы обращаемся к бывшим военным корреспондентам, к писателям-фронтовикам Ивану Ле, Леониду Первомайскому, Андрею Малышко, Савве Головановскому, Андрею Головкину, Любимиру Дынтерю, Павлу Увеско — ко всем, кто был на фронте, кто был в рядах наступающей Советской Армии. Мы обращаемся к тем писателям, которые, находясь в тылу, своим правдивым и мужественным словом, своим вдохновенным трудом помогали народу добывать победу, к автору «Слова о матери-родине» — Максиму Рыльскому, к автору «Земли отцов» — Юрию Яновскому, к Юрию Смолицы, который в своих рассказах так ярко показал «мирных людей» в дни войны».

Товарищи писатели! Помогите нам так, как помогли нашему народу в годы войны!

«Литературная газета» не ограничилась помещением этих интересных и волнующих документов. На страницах ее продолжают все время появляться высказывания писателей (В. Кучера, Л. Дынтерю, Е. Кривоногова и др.), художественные очерки, переводы статей («Партия велит», «Борьба за урожай — всенародное дело», «Образ передового человека колхозного села»), развивающие те вопросы, которые подняты в обращении украинских писателей и в ответе колхозников «Червоного гиряны».

Газета Союза советских писателей Украины показывает пример правильного понимания задач, выдвинутых в настоящее время партией и правительством перед многонациональной семьей советских писателей.

А. ДЖИВЕЛЕГОВ Горы поют

Стихотворения армянского поэта Ашота Граши второй раз появляются на русском языке в виде сборника. Это дает возможность читателю составить более полное представление о даровании автора.

Ашот Граши вырос и начал писать стихи среди суровой природы Карабахских гор. Первые его стихотворные опыты были ярки и непосредственны, порою дик и буйны, как полеты орленка над гребнями родных гор. С годами его творчество становилось спокойнее, не теряя ни напряженности, ни сокровенности. В нем затрепетала идея родины. Далекое прошлое отбрасывало тень на настоящее, и судьба армянского народа в его историческом бытии сделалась постоянной темой поэта. Ашот Граши чувствовал себя народным поэтом, одним из тех ашугов, которые иском слывали своим песней с переживаниями своего народа, пели про его горе и радости. Так и Граши. Но в его творчестве из гога в горах уткнулось трагическое нота, крешит и уверенное звучат оптимистические мотивы. Четверть века существования свободной Советской Армении, так не похожие на прошлую историю армянского народа, питают этот оптимизм. Горизонты творчества поэта словно расширялись, его кругозор раздвинулся от родного Карабаха до пределов всей Армении. Как все сыны армянского народа, Граши тоскует о том, что в границах теперешней Армении не вошли старая его земля, овеянные славою стольких подвигов лучших ее сынов.

Мать бы Аракот—там—не по тебе ли Тыкует три армянских шаферов, Крылатый Карс, Ани, туманный Ван?

Но Граши недаром живет в Советском Союзе в окружении братских республик, и недаром, как и все другие республики, культура Армении питается соками культуры русского народа.

Ашот Граши непрерывно ощущает родники новой правды, которыми дарит русский народ не только семье братских республик, но и весь мир. Символом великой миссии русского народа является для Граши лондонский домик Ленина, который

«...памятничества местом Стад для американских лесорубов, Дня утилобойный шахтеров Штатландия. Они отсюда обратились к востоку, говорили: О, Ленина великого земля, Ты песню прекрасную звучишь, Летящая на везуемому шару».

Ашот Граши «Горы поют». Стихи. Гослитиздат. 1946 г. 238 стр.

Граши знает, чувствует всем своим существом, что если малые народы Советского Союза не поглотил под ударами империалистической варварской империи, то эти народы обязаны все той же мировой правде, одним из лучших носителей которой был Киров:

Сынов Кавказа горного — шитом Был ты равнин русский благородный: Он и тебя, Армения, мой дом, Сине, азаван везлоду путеводной... И в песочном боевом строю Одним живу стремлением беспокойным: Горесть, как Киров, па страну свою, Как он, быть века Сталина, достойным!

Вера в непобедимость новой правды звучит в обращении к «Полководцу победы»:

Страну-корвал ты, вглядываясь зорко, Ведишь сквозь бури в светлым берегам, Ты — победитель великий, Салют побед твоим гремит беркам!

Сын армянского народа, Ашот Граши глубоко сознает, как много содействовал глуде войны и работники всех советских республик. Он не забывает, как на Украине

Краснеи винши в голубой лопине, Рокь бубушала и звенел ружья... Он поет о Грузии, он по-новому пересказывает в «Монолог Кер-Олы» чаяния азербайджанского народа.

Обо всем этом у Граши «горы поют». В том, как они поют, слышатся мотивы русской поэзии, выданы приемы, которыми Граши учился у великих русских поэтов.

Мужественно звучит голос Граши тогда, когда он поет про самое большое, что переживало недавно все передовое человечество и все сыны волевых советских республик: про Великую Отечественную войну против фашизма.

И ружата бомбы на кровли домов, Шариллов чудовищный падает град, И в разбитые стала военными слонов, Как ад грохоча, на тумана летят, Но русский невзлом в сражении страх, Ты — победитель великий, Ты — победитель великий, Ты — победитель великий, Ты — победитель великий, Ты — победитель великий.

Перевод стихов Граши, как всякий перевод, не дает полного представления о подлиннике. То, что пишущему эти строки известно из подлинников поэта, показывает, что по-армянски все звучит сильнее и ярче, все образы, все картины, весь словарь. Но нужно сказать, что собранные в настоящее время переводы производят очень хорошее впечатление. В них нет ничего случайного, а некоторые из них — на большой художественной высоте.

Верный сын народа

А. С. Щербаков был большим государственным человеком. Детишки такого типа привлекли в высокой требовательности к себе и другим видеть один из главнейших методов руководства. Драгоценное умение, спрашивая, направляя, и, зыскаывая, оказывать помощь было свойственно Александру Сергеевичу. Он принадеждал к той школе государственной мудрости, которая создана у нас Сталиным. А. С. Щербаков был верным учеником гениального вождя. Неужелюбоное проведение ленинско-сталинских идей было основным делом его жизни.

В литературе хотел он найти могучий рычаг партийно-политической работы по воспитанию народа. Это — одна из очень важных причин его близости к литературе, его глубокой заинтересованности в ее росте и развитии. В борьбе за идейную силу советской литературы он всегда выступал передовым борцом.

Здесь, как и на всяком поле деятельности, ему было свойственно возмуженное стремление идти в самой первой колонне великого исторического похода, предпринятого человечеством для завоевания счастья. Он вышел из народа, и замечатель-

ные черты, присущие нашему народу, были также и его чертами. Силу своей большевистской мысли, тепло своего сердца и блестящий талант организатора отдала советской литературе этот светлый человек. На помощь писателю приходили его юный ум, его живой интерес к искусству, плодотворная меткость оценок, тонкое понимание целей и задач, которые литература должна перед собой ставить.

Александр Сергеевич говорил, что советский читатель — цвет человечества, его сила и его будущность; борьба за правду в искусстве есть, собственно, борьба за человека, который совершенствует мир; правда — самый лучший агитатор среди наших людей. Знание жизни без чувства нового и без перспективы на будущее — ничто. Поэтому правда нашего искусства должна быть бесстрашной, неотразимо убедительной. Она должна вооружать творческий дух советских людей.

Многим из нас навсегда запомнились беседы с А. С. Щербаковым, и то, как он ставил при этом вопросы, и то, как он тут же решал их.

Трудно представить себе размах, многообразие, глубину и ответственность работы, осуществлявшейся Александром Сергеевичем в последние, военные годы его жизни. — секретарь ЦК ВКП(б), секретарь МК и МГК ВКП(б), начальник Главного политического управления Красной Армии, начальник Советского информбюро. И при этом он всегда находил время, чтобы следить за новостями нашей литературы, обставляла знакомиться с новыми произведениями. Он приглашал к себе писателей, вел с ними разговоры о творческом отношении к жизни. Всем этим беседам неизменно сопутствовала чуткость к взглядам собеседника, неизотряпанная внимательность к его личности, теплая и деятельная участливость к его житейским делам.

Мы помним А. С. Щербакова именно таким — простым и обаятельным, пламенно убежденным в величии будущего.

Он всегда стремился вперед, к великой работе над выполнением новых сталинских пятилеток. Он всегда боролся с филлюстерством и косностью, бездельностью мысли и деликатной пошлостью, заблудило выращива, бережливо снимая урожай советской культуры.

С. ГОЛУБОВ.

Поэма Георгия Леонидзе „Сталин“ на белорусском языке

Государственное издательство Белорусской ССР готовит к выпуску в свет перевод поэмы «Сталин» грузинского поэта Георгия Леонидзе.

Поэму перевела на белорусский язык Эдда Онешвет. Книга будет выпущена к 30-летию Октября под редакцией народно-го поэта республики Якуба Коласа.

Колхозы имени Владимира Маяковского и Янки Купалы

МИНСК. (От наш. корр.). На днях организованы (новый колхоз в деревне Асмолово, Новоградского района, Барановичской области. На своем организационном собрании члены молодой сельхозартели единодушно решили присвоить колхозу имя Владимира Владимировича Маяковского. В сельском клубе будет оборудован уголок,

посвященный жизни и творчеству великого поэта.

Недавно организовался также колхоз имени Янки Купалы на родине поэта — в деревне Вязинка, Молодеченской области.

Союз советских писателей Белоруссии взял шефство над этим колхозом.

М. ПАПАВА Хозяин возвращается домой

Безмерны жертвы, принесенные нашим народом в борьбе за счастье человечества. Бесконечен список наших потерь и утрат. Но ничто не смогло сломить духа этого доблестного народа, хозяина своей судьбы.

Именно таким рисует образ советского человека Алексей Недогонов в своей поэме «Флаг над сельсоветом». Хочется прежде всего сказать об основном и решающем впечатлении от поэмы. Это — ощущение высокого душевного здоровья и силы советского человека, возвращающегося с войны. Гордость пройденным путем в войне, радость от предстоящего труда, спокойная уверенность в будущем — вот основная тональность поэмы. И если вспомнить о послевоенной растерянности и пессимизме, охватившем сельцо литературы. Залпа и думал, что человек, поведя поэму Недогонова становится явлением особенно радостным и типическим для послевоенных путей советской литературы.

Герой поэмы старшина Егор Широков — некий собирательный образ советского воина, возвращающегося к мирному труду после великой военной страды. Не случайно поэтому и билинный эпический залп, который начинает Недогонов свою поэму:

От вари и до вари, через сотни ших рек, сквозь чужие пустыри идет, идет человек. Тиниша отгуляла вью, облетела в тиниша, идет, идет старинка. Тиниша отгуляла вью, облетела в тиниша, идет, идет старинка. Тиниша отгуляла вью, облетела в тиниша, идет, идет старинка.

Он едет той дорогой что в войну на Германию велел. Вот и гваница. Родная земля, полная потом и кровью солдат, раскрывается перед ним во всей своей красе. Проезд Широкова по России — это торжественное раздумье солдата на местах прежних боев:

Здравствуй, родина побед, стилинградская земля! Здесь — в снегу, в крови, в пыли — и судьбой твою явил. Война в сумку горсть земли стилинградской положи.

Не гость, не случайный путник едет по советской стране. Это хозяин возвращается по труду домой.

Радость свидания с домом омрачена смертью отца. Недогонову удается в передовой драматической сцене рассказать об этой встрече радости и горя в избе Широковых.

Умер великий труженик земли — хлебороб Савелий Широков. Это он, его труд кормил армию, идущую дорогами побед. Это о нем говорил генерал, подаривший Егору трофейного коня:

Так и сынки в России — как и нашей воиной силе: если б не вы, мол, крестьяне — Пошли, Сибирь, кловби. Украина, и Грания, врага бы мы не сломали.

Горсть стилинградской земли, положенная сыном на гроб, это как бы тот высокий ответ, что держит Егор у могилы отца. Так, окончив ратный подвиг, вступает Егор на место отца.

Дубок становится хлебным колхозом. Он полагает, что его боевые заслуги дают ему на это право. Он готов всю деревню считать в долгу перед собой. И Широков с горечью говорит ему, что он позорит высокое звание фронтовика. И когда хмель проходит, Дубок понимает, что Егор прав. Нам кажется закономерным его примирение с Егором и желание Дубкова работать заглядывая свою большую моральную вину перед колхозом, перед страной. В этом последнем побеждает Широков, потому что его сознание личная судьба неотделима от судьбы родины, от судьбы страны. Это — тот новый и великий тип советского крестьянина, для которого околица родной деревни уже давно перестала быть границей дома. Понятие «дома» раздвинулось до широкой необъятных границ его родины. Понятие «своего» неотделимо от понятия «общего». В этом великий сдвиг в психологии масс, который происходил на наших глазах и явился естественным следствием новых социалистических форм сельского хозяйства.

«Ты говоришь в войну устал? А правду ль ты, Андрей? — спрашивает Широков у Дубкова. По существу, в этих словах раздумье самого поэта над послевоенными судьбами его страны. И он тут же отвечает:

Ты во сто раз сильнее стал и во сто раз бодрей. В этом внутреннем изменении нашей послевоенной действительности и лежит ключ того оптимизма, радости, уверенности в завтрашнем дне, которые наполняют поэму Недогонова.

Недогонову свойственно соединение как бы двух планов в своей поэме. Первый — бытовой, будничных. Ему соответствует бесхитростная, разговорная интонация с оттенком легкого, добродушного юмора. Вот, скажем, как отсыпает поэт сборы Егора перед посещением невесты:

Выбери бороду чисто-гладко, но по хвосту тывиробных правил для парадка и для порядка боевые усы оставил. Только чуткою их подправил — наплюю ровности им добавил.

ности ситуации, в каком-то особом материале или в экскурсе в прошлое. Светлый романтический мир Недогонова вырастает на материале явлений обычных, повседневных, будничных. Это особенно радует в поэме.

Могут сказать, что поэт рисует какой-то особый идиллический мир, что мы не чувствуем в колхозе Недогонова следов войны, тех послевоенных трудностей, о которых говорит партия, призывая нас к новому подуму сельского хозяйства. Но этот упррек будет несправедлив. Нам кажется, что поэтическая залпа Недогонова была в том, чтобы выразить мироощущение советского человека на рубеже войны и мира, восславить радость возвращения к труду, восславить самый труд, как праздник, как естественную форму раскрытия творческих сил советского человека. И эта задача решена молодым поэтом талантливо.

В поэме немало места уделено природе, описанию зимнего пейзажа, вечной предели русской природы. Мы бы сказали, что природа здесь — тоже одно из действующих лиц. И Недогонов владеет мастерством пейзажа, раскрывая его в самой различной манере — от акварели до широкого размашистого мазка.

Над Дубровкою уснувшей, над колхозной стороной, легкой тенью день минувший едет по хвосту тывиробных правил Тиниша Дубовой правде. Только изредка во сне порон дремлет прокартавит на заснеженной сесе.

И на фоне этих пейзажей возникает образ воина деревни, деревни, уже лишеной всяких признаков так называемого «идиотичного деревенского жанра». В эту новую советскую деревню влюблен поэт и повествует о ней с улыбой доброго друга. Вот сценка в избе-читальне:

Все люди знатные села рва здесь — как будто стола... Читай «справду». «Ого!» — от первого до последнего строк: об илюновском вопросе о трех правительствах оси Выбали! Боевые насли, Тут же хромой солдат о ребятах беседует об атомо... А старик-пчеловод, ожидая из армии зятя летчика, штурдрует тактику воздушного боя, чтобы не ударить в грязь лицом и только поговорить с зятем.

Ежели друг дружку полюбил — не сподручно волонку ув

Лицо книги

Книгу, как и человека, по одежке встречают, а по уму провожают... особенно детскую книгу. Внешность детской книги, ее формат, иллюстрации, застежки, форзац, фронтиспис, обложка, переплет, корешок, шрифт глубоко влияют на отношение к ней со стороны читателя-ребенка. Само маленького читателя влекут книги крупного формата, с яркими картинками, распахивающимися, как двери. Для ребенка первая книга — это некая необыкновенная игрушка, которая вскоре заменит все другие, станет самой любимой, жизненно-необходимой. Вместе с тем, хорошо оформленная детская книга привлекает своего читателя к опрятности, воспитывает в нем уважительное отношение к читаемому или слушаемому. Такую книгу возьмешь ласковыми руками, не захлестнешь по кроватке, не вывернешь корешком во двор...

Художник в детской книге, особенно расчитанной на дошкольного читателя, не только оформитель и иллюстратор. Он полноправный соавтор. Он овещает образы книги, приближает их к ребенку, собирает внимание читателя на главное, основываясь на наиболее значительном. Найти язык линии и красок, созвучный языку писателя, зрительным образом поддержать и развить образ, заключенный в слове, обогатить опыт писателя наблюдениями художника... все это требует большой, вдумчивой любви к делу, выскользнувшего и чистого вкуса, глубокого творческого воображения и выверенного мастерства.

Необремененность оформления, внешняя убогость, которые иногда еще по бедности позволяют себе издатели, не компенсируют, совершенно недостаточны и непростительны в детской книге.

Потому такое большое внимание привлекают к себе ежегодные, ставшие традиционными, отчетные выставки качества оформления детской книги, устроенные Детгизом. Очередная выставка, показывающая оформление детских книг, вышедших за 1946 год, открывается сегодня, 17 мая, в помещении Государственного издательства детской литературы Министерства просвещения РСФСР.

Когда бегом оглядываешь размещенные на стенах разнообразнейшие книги, начиная от солидных фолиантов в увесистых переплетах и больших изданий альбомного типа и кончая тоненькими цветастыми школьными книжками или прекрасными романами стихов карманного формата, то общее впечатление позволяет сделать вывод: за год качество оформления несомненно улучшилось; ярче, разнообразнее и смелее стали работать художники; бланже стали наши полиграфические возможности. Конечно, специалист-кинолол найдёт тут немало промахов, посетует, что не везде хорошо печатать, в ряде книг уныло-серая бумага и еще недостаточны тиражи лучших книг. Но самый выскочкальный ценитель книги не раз остановится на этой выставке, радуясь затаенным вкладам, которыми по праву может гордиться Детгиз.

К числу таких удач прежде всего надо отнести нарядность выразительное оформление «Тараса Бульбы» Гоголя. Полноецветное, необычайно темпераментное, поистине вдохновенное рисунки художника Е. Княжича счастливо сочетают в себе элементы реальной живописи с пластической монументальностью. Достаточно взглянуть хотя бы на переплет этой книги, сделанный талантливым художником С. Телегатовым, где на сером холсте дан образ Тараса, полного яростной силы и несокрушимого душевного величия.

Хороши рисунки к «Детству» Горького, выполненные художником Б. Дехтеревым. Горьковские образы — Аленка, бабка, мать — продуманы художником глубоко и переданы на всех страницах книги тщательно и живописно. Может быть, не следовало лишь так старательно стилизовать все внутреннее оформление книги, начиная от буквиц и титула и кончая манерой самих иллюстраций, под книжничью старинку. Дух ушедшей эпохи, не кажется, можно было передать и без такой стилизации, за счет выхождения верных, характерных черт в самом рисунке.

Вредоносные рисунки к деттзовскому изданию «Молодой гвардии» А. Фадеева также известны. Художник достиг в них высокого драматизма и выразительности. Уже полюбившиеся миллионам читателей легендарные образы Олега Кошевого, Ули Громовой и других молодогвардейцев снова оживают в рисунках В. Шеглова — патетических, композиционно собранных, но почти нигде не упрощаемых до плакатного примитива. Несомненно, это лучшее из всех изданий «Молодой гвардии».

Десятки тысяч школьников получили от автора Аркадия Гайдара, любовно, хотя и просто оформленный, куда вошли избранные произведения писателя. Относительно издан с академической строгостью, без иллюстраций, но украшен легкими заставками А. Ермолаева, ассоциативно передающими дух гайдаровских произведений.

На общем, значительно поднявшемся уровне полиграфического качества особо выделяется ряд цветных изданий, адресованных младшим читателям, дошкольникам. Крупным форматом изданы красочные работы художника А. Пластинова «Домашние животные» и «Год в колхозе». Первая книжка напоминает старые книжки-картинки «под мушкетера», хотя и отличается от них зрелой живописностью, культурой вкуса, интенсивностью цвета. Зато книжка «Год в колхозе» являет собой пример замечательной работы большого художника, сумевшего в рамках небольшого формата, с помощью ярких, пленительных сюжетов, рассказать самым маленьким читателям о советской колхозной деревне.

Подлинный праздник для глаза — «Разноцветная книга», рожденная сотрудничеством поэта С. Маршак и художника В. Лебедева. Говорят о ней бесполезно — ее надо видеть, чтобы понять, какую радость даст маленьким читателям эта чудесно придуманная детская книга.

Вот еще один пример сотрудничества поэта и художника. Это «Титан труда», вышедшая уже после исторических решений ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», после доклада тов. А. А. Жданова постановлений ЦК КП(б) Украины об украинской литературе и литературоведении, является ярким иллюстрацией «обнартственных» позиций автора, ведущих его прямо на дорогу буржуазно-националистических концепций М. Грушевского.

Михаил Возняк, известный ученый, знаток творчества Ивана Франка, в своей книге попытается рассказать о плодотворной жизни писателя, оценить его общественный вклад, определить значение его произведений для того времени и для будущих поколений.

Возняк с беспристрастностью протоколиста излагает биографию великого писателя и при этом старательно обходит социальные характеристики событий и фактов, а там, где их никак обойти невозможно, М. Возняк дает туманные и емкие пояснения, явно раскрывающие буржуазно-националистические позиции автора.

Обратимся к фактам. Рассказывая о школьных годах Франка, М. Возняк цитирует детские рассказы писателя. Эти рассказы дают богатейший биографический материал в одновременно ярко характеризующую систему обучения и воспитания, основанную на брутальности, неуважении к мужским «хлопским» силам, насильственным их осмеиваниям.

Однако автор книжки не делает надлежащих выводов. Наоборот, он подбирает цитаты таким образом, что создается впечатление, что Франко был не только талантливым писателем, но и выдающимся педагогом.

М. Возняк «Титан труда», Выдавинтито «Молодая Украина». Редактор М. Пархоменко, Львов, 1946 г., 98 стр.

На выставке Детгиза. Главный художник выставки — редактор издательства Б. Дехтерев (справа) и художественный редактор Детгиза П. Суворов осматривают стенды выставки. Фото Е. Тиханова.

Я. КАМЕНСКИЙ Путаница и вульгаризация

Вопросы идейно-воспитательной роли литературы — самые острые и насущные для советского учителя. Можно поэтому представить, с каким интересом многие наши учителя взяли в руки первый номер журнала «Советская педагогика» за 1947 год, в котором напечатана статья кандидата педагогических наук В. Любимова «Идейно-политическое воспитание на уроках литературы в старших классах средней школы».

Но интерес, который мог быть возбужден темой статьи, быстро сменяется недоумением и возмущением. От статьи на столь важную тему, помещенной в органе Академии педагогических наук РСФСР, мы вправе требовать прежде всего — научности, ясности, богатства привлеченного конкретного материала и правильного анализа последнего.

Но одному из этих требований статья не удовлетворяет. Какова цена научности этой статьи, если она начинается следующей фразой: «Высокая идейность русской литературы в борьбе за освобождение от гнета и эксплуатации, ее народность и героичность неоднократно отмечались многими нашими историками и литераторами, начиная с Белинского и Венгеровой и кончая Горьким. На эту особенность указывает и тов. Жданов в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград».

В Любимов ставит, таким образом, знак равенства между революционно-демократическим и даже большевистским учением об идейности литературы и взглядами С. Венгеровой. Но книга Венгеровой «Героический характер русской литературы» представляет собою отнюдь не развитие воззрений революционных демократов, а либерально-народническое искажение и ополчение их.

Для Венгеровой все писатели одним миром мазаны, классовую борьбу он отрицает, для него равны идеями Чернышевский, модернисты и разного рода богословы, он оправдывает «Вехи» и утверждает, что «русский марксизм в психологическом отношении одорожен» из заключения дворянства». Обидлив Венгеровой и Белинского, Любимов, по сути дела, принижает и оскорбляет великие революционно-демократические традиции нашей литературы.

Неудивительно, что и сам В. Любимов по-роковому по-венгерски подходит к явлениям литературы, он всюду — где следует и не следует — находит идейность и прогрессивность и уверяет, например, что «...прогрессивный смысл приобретает... не приспособленность к жизни Рулина и Бельтова». Это пишется о Бельтове, которого Герцен изображал, как предостережение от степной худородности и герценовскую харю — термин, которого Белинский считал слишком мягким. Это говорится о Рудине, характер которого был подвергнут такой резкой критике нашей революционно-демократической литературой.

В статье В. Любимова нет научности, нет точности и ясности как по содержанию, так и по форме. Статья написана тяжелым, неуклюжим языком. Трудно уловить мысли автора, они лишь чуть выглядывают из-под верха фраз.

Что, например, кроме нарочитости слов, представляет собой следующая фраза: «Мы показываем, как, беря по существу сходные темы, писатели-классики совершенно разными средствами отражения жизни вместе с развитием общественного сознания до степени художественных открытий, знаменующих собой историческую культуру обществу перестройки выжестности и даже полагающих начало новым течениям, которые мы называем сентиментализмом, романтизмом, критическим реализмом и пр.»

Можно ли серьезно принимать мысль о том, что Пушкинский Алеко является родоначальником горьковского Сокола, вытекающую из следующего предложения: «Мы показываем, как, беря по существу сходные темы, писатели-классики совершенно разными средствами отражения жизни вместе с развитием общественного сознания до степени художественных открытий, знаменующих собой историческую культуру обществу перестройки выжестности и даже полагающих начало новым течениям, которые мы называем сентиментализмом, романтизмом, критическим реализмом и пр.»

Можно ли серьезно принимать мысль о том, что Пушкинский Алеко является родоначальником горьковского Сокола, вытекающую из следующего предложения: «Мы показываем, как, беря по существу сходные темы, писатели-классики совершенно разными средствами отражения жизни вместе с развитием общественного сознания до степени художественных открытий, знаменующих собой историческую культуру обществу перестройки выжестности и даже полагающих начало новым течениям, которые мы называем сентиментализмом, романтизмом, критическим реализмом и пр.»

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Научные сотрудники Института литературы Академии наук СССР подготовили к печати четвертый том «Истории русской литературы», посвященный русской литературе XVII века. В нем дана характеристика произведений о «Смутном времени», сатирической литературы городского посада, сочинений Авакума, литературы казачья петровских реформ и т. п.

Книга выдана под редакцией академика А. Орлова, члена-корреспондента Академии наук СССР В. Адрианов-Перетца и действительного члена Украинской академии наук Н. Гузьяна.

Издательство Академии наук СССР выпустило первый том «Истории американской литературы».

С. КРИНИЧНЫЙ О ПАРТИЙНОСТИ НАУКИ И „БЕСПАРТИЙНОМ“ ИЗЛОЖЕНИИ ФАКТОВ

Чтение, будто все описанное в расказах это детское, скоропорожающее трагедию. Оказавшись, что виной всему были лишь отдельные лжеучителя, «обнартственные» системы. Правительство же беспомощно о просвещении хлопских сынов, выдало им стипендию, требуя только «беспорочно давать доказательства хорошего поведения и таких же поступков в науках».

Но это «мелочи» в сравнении с дальнейшим разделением книжки, где во весь рост должна была бы встать фигура Ив. Франка, лучшего продолжателя революционно-демократических традиций Шевченко, писателя-гражданина, борца с буржуазным национализмом, с соглашательством и подлостью украинской буржуазии.

Почти все бедствия в жизни писателя М. Возняк объясняет личными обстоятельством, стечением случайных причин. Так, например, если бы превратился из Женеви Станислав Барабаш (Жозурийский-Коблянский) был осторожнее, Франка бы не арестовали, потому что в его деятельности не было ничего, что могло привлечь внимание правительства. Широко известно, что уже до первого ареста Ив. Франко проявил себя, как писатель ясно выраженных революционно-демократических идей. Его яркими, «обнартственными» «обнартственными» указаниями на тяжкий социальный гнет в капиталистической Австрии. Эти произведения обнаруживают симпатии автора к рабочему классу и вызвали ненависть в буржуазных и поповских националистических кругах. Об этом вспоминает и автор «Титана труда». Первый арест только усилил революционно-демократическую деятельность Франка, заставил молодого писателя обратиться к науке о социализме, к трудам К. Маркса.

Ив. Франко увидел, что первым поводом австрийского правительства и врагом народа является национал-соглашательская украинская буржуазия. Писатель объявил и одному из наиболее выдающихся его отрядов — поповству беспощадную войну. Он заявил им меткие эпиграфы «вулгарные», «блудливые», «мириные», «верноконтрастные горожан» и т. д.

М. Возняк не может обойти этого факта, но и не хочет дать ему четкого партийное определение. Он пишет: «Словом, лозунги Франка в его стихотворении были и вызовом тогдашнему австрийскому правительству и галицкому, особенно старшему, обществу».

Именно эту сторону деятельности Ив. Франка, его борьбу с изменчивой националистической буржуазией, с ее соглашательством и подлостью, М. Возняк старательно обходит. Франко, дескать, был совсем не политик, он был труженником, ко-

лошу из следующего витиеватого заявления: «Читая и анализируя поэму Пушкина, мы приходим унашися к убеждению, что романтизм героя Пушкина — это родоначальник всех отверженных и гонимых, которые вернейше встанут под знамена Лермонтова и во всех обличиях реалистического искусства вплоть до Пестри о Шевченко».

Следом, как светлый, жизнеутверждающий образ Сокола может быть продолжением образа «отверженных и гонимых» из романтических поэм начала девятнадцатого века. Здесь совершенно выходящее революционное, новаторское значение знаменитого произведения Горького, которое вдохновляло пролетарских революционеров на борьбу с царизмом.

Ссылка на художественные произведения у В. Любимова много, но почти все они представляют собою отписки, подчас способные лишь запутать читателя. Так, например, среди проблем, на которые рекомендует обратить внимание учащихся, В. Любимов указывает следующее: «Гимназическая буржуазия и пролетарский (Шинель, «Бедные люди», «Разгром», «Поднятая целина»). Неужели же реплика журнала «Советская педагогика» полагает, что страстный протест против помещичье-буржуазного строя, который слышится в этих произведениях Гоголя и Достоевского, укладывается в рамки гуманизма либеральной буржуазии?»

Вместо того, чтобы научить школьников к каждому значительному произведению найти классические писателей видеть отражение каких-либо существенных сторон народной жизни и притом в их развитии к будущему, В. Любимов рекомендует учителям заниматься отсыканием протопопов героев произведения и сравнением их. И на такой основе автор статьи считает возможным строить общее суждение о творчестве того или иного писателя!

В Любимов пишет: «мы сопоставляем героев литературного произведения с их прототипами и определяем, насколько точно действительность отражена автором в произведении», «на такого рода сличениях вырабатывается навык распознавания элементов субъективного и объективного, неизбежно соприсутствующих в любом факте художественного творчества, и навыки критически относиться ко всей деятельности писателя в целом».

Это грубая вульгаризация вопроса о взаимоотношении искусства и действительности. Все богатство и разнообразие жизни, которая отражается в художественном произведении, сведено к прототипу того или иного героя.

Перечисляя темы для сочинений учащихся, В. Любимов указывает, например: «Идея женской эмансипации Н. Г. Чернышевского, Н. В. Гоголя». Создается, что здесь мы стали вступок. Нам даже пришлось на ум, не имеет ли В. Любимов в виду проект улова губернаторской дочке в «Мертвых душах», но ведь, как известно, сие предпринятое существовало лишь в воображении Нодреара...

В Любимов заявляет в своей статье: «Не холодное рассуждение, а способность проникаться благороднейшими идеями писателей-классиков, чутко откликаться на их призывы, умение ясно и верно, эмоционально и образно доводить эти идеи до сознания учащихся, творить драматическое собою учителя литературы, признающего воспитывать партийное отношение к фактам литературы и жизни».

С этим нельзя не согласиться. Но холодное, витиеватое рассуждение должно быть чуждо не только рядовому нашему учителю, но и кандидат педагогических наук, с трибуны руководящего журнала поощряющее наше учительство тому, как идейно воспитывать молодежь.

В книгу вошли главы о литературе ранних английских поселений (XVII век), литература периода просвещения и буржуазной революции, творчестве ранних романтиков (Иринг, Байрон, Купер, Кеннеди, Симс), а также статьи об Элгаре, П. Готторне, Мельвиле, Бичер Стоу и др.

Авторы первого тома — старшие научные сотрудники Института мировой литературы А. М. Горького Академии наук СССР А. Елистратова, Т. Сильман, А. Старцев.

«История американской литературы», рассчитанная на два тома, выдана под редакцией академика В. Шимарева, члена-корреспондента Академии наук СССР В. Жирмушко, А. Анкиста, А. Елистратовой и А. Старцева.

Б. РУНИН Проверка временем

Для Семена Гузенко и его поэтических сверстников военные годы были одновременно годами начала литературного пути. Он пошел на фронт в том возрасте, когда для человека еще вновь впечатлительная битва, когда только устанавливается человеческий характер. И неудивительно, что грозные события, пробудившие в нем настоятельную потребность высказаться себя, проявились в его первых стихах по-юношески романтично и несколько наивно.

Есть много отголосков в том, что Гузенко и Визюнов, делая не в том, что Гузенко кровью и смертью усердно вошли в жизнь и в литературу. Трогательное простодушие звучит в признании лирического героя Гузенко, когда он говорит: «Верь на войне я в первый раз полюбил усы». Но это не помешало ему стать воином, постигшим на поле боя законы мужества.

Прада, он полюбил часто напоминать о мужской дружбе, о «пепле войны», о том, что на переднем крае любит мужских поговорить у костра, что после боя «гуляешь в дождь», обо всем том, что пришло к нему в бывалом солдате, познавши все испытания своего сурового ремесла. Но об этом поэта Гузенко по-прежнему откровенно, и мы готовы были ему поверить и согласиться с ним, когда он говорил: «Стихи за время»

Большой войны мужественней сердца, руки крепче, весомей слова, и много стало ясней.

Недавно вышла в свет третья книга стихов Гузенко. Она называется «После марша» и объединяет стихи, посвященные последним месяцам войны и победе. И странное дело, когда знакомился с книгой, незвольно отмечал, что многое в ней, как и в прежних сборниках Гузенко, уже отодвинуто в прошлое салютное забытие.

Видно, дело не в том, что Гузенко можно найти немало безвкусных стихов или необразительных выписок. К стати говоря, судя по последней книге, его стих стал заметно чище и точнее. Суть, очевидно, в каких-то органических особенностях его творчества. Мне кажется, что многие стихи Гузенко не могут удовлетворить наши теперешние запросы потому, что сейчас, в 1947 году, такого понимания войны, какое в них содержится, и такой военной романтики, какая им свойственна, уже недостаточно. В военных стихах С. Гузенко больше условно-романтической эмоциональности, чем в довоенном, основанная на мифическом романтичном описании будущего.

Каким видел он из окопов будущее? Как представлял себе победу? Что принесет она с собой, что будет означать, она в судьбе его поколения, чем станет она в жизни страны? Она ему виделась, чудилась, слышалась. Снова в зрелых сирени будут до него петь малиновки. Влюбленные снова будут у тополя встречать рассвет. «Мы по дороге взглянем в небеса. Сильней полюбим и сильнее подождем».

Теперь, когда эти стихи подверглись испытанию мирным временем, понимаешь, как далеко от этой наивной мечтательности до активной, всепроникающей, действительно романтичной мечты.

Победа пришла. Желанное свершилось. Но что же? Так судьбы были идеями, так незначительные стремления, что поэту, в сущности, и сказать-то нечего. По Кишиневскому поессе его герой возвращается с войны. О чем он думает, какие дали открытия перед ним?

Мы с войной идем с победой на восток. ...Как корень первый год далек!

И все! Едва наметишь, тема уже исчерпана в этом неприглядном сопоставлении времени, не рождая сколько-нибудь существенной поэтической мысли. Мысленно так устремляясь к победе, Гузенко, как художник, оказался к ней не подготовленным. Тут выяснилась необходимость в такой достоверности чувства, такой остроте зренья, которая юношеская приподнятость его поэзии уже не вмещала.

Горький когда-то говорил, что советским писателем «необходимо знать не только две действительности — прошлую и настоящую, тут в творчестве которой мы принимаем известное участие. Нам нужно знать также третью — еще третью действительность — действительность будущего... Мы должны эту третью действительность как-то сейчас включить в наш обиход, должный Семен Гузенко, «После марша». Стихи. «Советский писатель», 1947, 64 стр.

изображать ее. Без нее мы не поймем, что такое метод социалистического реализма. В том-то и дело, что Гузенко обходится без этой «третьей действительности», не включает ее в свой поэтический обиход, не пытается проникнуть в нее зрением художника. Отсюда убогий его лиризм. Ведь романтизм начал поэзия социалистического реализма — не в отвлеченной эмоциональности, а в исторической сознательности, активности, в прекрасной мечте, помогающей внимательно взглянуть в жизнь».

Характерно, что в своих стихах о войне Гузенко почти нигде не достигает патристического звучания. Его приподнятость представляется лишней истинного пароса, создающего поэзия высоких идеалов, больших целей.

Пробуждение к творчеству, как у же говорил, целиком связано у Гузенко с войной. Горячая поэтическая струя вырвалась наружу, подобно описанному им геизеру, который ударил из земли после разрыва мины («Чулеса»). И разве не содержала в себе Отечественная война благородной романтики, столь привлекательной для юности... Юность с ее покладной жизнью, атакими, приходящими в голову, фантазиями, провозглашающими закоными военной дружбы, ее верностью памяти побед, печально утраит и радостью побед. Все это так. Но здесь надо отделить истинно романтичные настроения, связанные у Гузенко обычно с конкретным эпизодом, отчетливо определяющейся ситуацией, от искусственной и внешней романтизации, приписанной извне, возможно, для того, чтобы скрасить бессодержательность и неясность лирического чувства, отсутствие поэтической мысли.

Потому я вижу ростки поэтической поэзии в таких стихах из книги «После марша», как «Баллада о комманданте», «На Мораве», «Вот коса по праву скринут», «На смену белым госпитальным», «В Праге хоронят погибшего после победы майора» и «Памяти ровесника». Поэтический смысл этих стихов шире непосредственно изображенных в них явлений, и за многообразием чувства, за случайностью наблюдения здесь можно различить неповторимые особенности времени и обстановки. В этих стихах Гузенко не обманывается примитивными ассоциациями, вроде тех, что навелись фильмом «Большая война» («Зачем ты спрашиваешь нас») или необычным звучанием названий венгерских сел («Сиславце, Ясберень, Ясанти»). В балладе о комманданте, в «Памяти ровесника» как и в некоторых прежних балладах, у Гузенко намежены возможности выхода в мир настоящих страстей и серьезных радостей о славной и трудной судьбе своего поколения.

Но я решительно не могу признать подлинной поэтичности за уже упомянутыми стихотворением «Чулеса». Сначала горячий геизер, внезапно заколотающийся в воронке от мины. Затем девятка-словачка, точь в толь, как и остающаяся в Москве единственно любимая («И ты же брешь губами... И все лино до родины твое...») А потом оказывается, что всего этого не было...

Я это все придумал, когда сидел в окопах, размакая, как хлеб в воде, в зыблени рыжей жиже, мечтая о прорыве и тепле...

Предположим, что эта не слишком хитрая выдумка, эта наивная мечта (хоть, по правде сказать, ее хочется назвать фантазмом) способна согреть душу лирического героя. И все же стихотворение заставляет нас остановиться, ибо оно совершает в себе невозможное самообманение. Романтизация действительности здесь проистекла не из величия цели, а потребности приукрасить быденные подробности войны, ее повседневные лишения. Она становится своеобразным средством эстетического преобразования поэтического времени. Это стремление очень объединяет поэтические возможности Гузенко. Вот именно отсюда идут частые упоминания о воинственных мужчинах у костра, вся эта немного мальчишеская солдатская суровость, которая, право же, отдает книжничью отсюда «махра», зеленая вода в походных флажках, а рядом «грусть в груди окопником». Вывернется на розовом луне, «обещанные кони», вояки и заплата, крапленые солдатской кровью золотники свища, караульные бойцы в атаках...

Сейчас, когда война ушла в прошлое, ее невозможно изображать только как «атаки», бомбежки, оборону, меданбаты и шокные разведки в ночи». Хочется, чтобы масштаб лирических чувств и переживаний в стихах Гузенко был приведен в соответствие с масштабом событий, чтобы в их историческом величии он ощутил истинно романтическое начало своей поэзии.

В эти же годы писатель, обращая к галицкой молодежи, говорит о великой миссии русского революционного народа, пишет статью в защиту М. Горького, велет полемике с А. Шенциком в защиту социализма, создает стихотворение «Поэт на баррикаде» и своего величественного «Моисея».

Автор книжки ставит Ив. Франка вне общественно-политических процессов, вне классовой борьбы и назревавшей революции 1905 года в России.

М. Возняк видит в фигуре Франка лишь неумолимого труженника (черта, действительно присущая Франко) и не хочет видеть революционного романтика, провозгласившего, для которого освобождение Украины от национального гнета австрийского монарха было тесно связано с социальным освобождением. А между тем сам Франко писал о том, что народ, добывая себе общечеловеческие права, тем самым добывает себе и национальные права.

Творчество Ив. Франка, открывшее идейно-художественные стремления украинской революционно-демократической литературы второй половины XIX столетия, было обусловлено условиями мелкобуржуазного окружения, аграрным характером национально-освободительного движения в Галиции, условиями личной жизни писателя, подполью украинской националистической буржуазии.

Все это автор брошюры обшел молчаливым. Он старательно цитирует в материалах и документах, которыми хотел доказать свою мысль. Какой же это «объективизм» ученого?

В. И. Ленин в контексте книги немецкого буржуазного историка Этельяра «История новейшего времени» пишет, что «...автор, с педантичной аккуратностью лапидарны и пр. о каждом царике, о родне царьков, о выкидышах вильдербургской королевы (sic! с. 440) и т. п. — не упоминает ни звукм восстания крестьян в Румынии в 1907 году!»

Книга акад. М. Возняка напоминает «Историю» Этельяра тщательным подбором мелких подробностей и подлинейным игнорированием социально-политических фактов, обусловливающих общественно-политическую и творческую деятельность Ив. Франка.

Забав по поэзии «объективизм науки», ставя ленинские принципы партийности, принципы, которые были особенно подчеркнуты в докладе т. Жданова и в постановлении ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», М. Возняк декларирует в своей брошюре взгляды, ничем не отличающиеся от принципов и утверждений буржуазно-националистической «школы» Грушевского.

В. И. Ленин Тетради по империализму, Гослитиздат, 1939, 615 стр.

В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ

В № 51—52 журнала «Огонек» (1946 г.) был напечатан очерк Алексея Глебова «Утро Молдавии». Изображая Советскую Молдавию, автор попытался сделать исторический экскурс, рассказать о вековых судьбах молдавского народа. Однако все то, что говорит А. Глебов о прошлом Молдавии, представляет собой лишь вредный вымысел:

«В древности Молдавию называли страной валов. Ее упоминают в своих творениях поэты, философы, историки и государственные мужи того времени. Беглые скитальцы, бунтари, лишившие родины, искатели приключений и смелые стяжатели, посещавшие валовых платяки за их гостеприимство и щедрость добрым словом и хорошей памятью».

В этих рассуждениях А. Глебов переплетает вымышленный враг молдавского народа, крайних буржуазных националистов.

Никогда Молдавия не была страной валов. Румынское государство образовалось в 1918 году из соединения двух самостоятельных княжеств — Валахии и Молдавии, находившейся на правом берегу Прута. Валахи в Молдавии не жили и не живут. Это известно всем, кроме А. Глебова: валахи живут в Валахии. Молдавия на протяжении всей многовековой истории кровно связала свою судьбу с судьбами славянских народов. Молдавия никогда не платила «добрым словом и хорошей памятью» иноземным захватчикам, «смелым стяжателям», как «язычно» выражается А. Глебов, покушавшимся на народное добро, искавшим наживы, она гнала их со своей земли с помощью великого брата — русского народа.

С еще большей божью и с еще меньшим знанием дела говорит А. Глебов о жизни сегодняшней Советской Молдавии.

Жесткая двухлетняя засуха создала серьезные трудности на пути восстановления сельского хозяйства республики, разрушенного в годы немецко-румынской оккупации. Молдавский народ с помощью русского народа и других братских народов СССР мужественно преодолевает эти трудности. А литератор А. Глебов называет засуху, это серьезное бедствие, «добрым уроком!» Приведем лишь небольшую цитату:

«Словом, силы науки и техники, влияние в лето испепеляющей жары, тропических ветров и шестидесятидневного бездождья предстали особенно выразительно и послужили добрым уроком... И видел следы этого урока: охладившая парней и девушек из Черепкуша в этом году чухинская агрономическая и сельскохозяйственные школы. Их проводило все село. Это было похоже на праздник».

Оставим на совести автора и редакции эту глупую и мало разумную фразу, звучащую как издевательство. До какого абсурда договаривается А. Глебов! Оказывается, только засуха заставляет молдавскую молодежь учиться. Автор ни слова не говорит о том, что лишь советская власть открыла перед молодежью Молдавии двери в школы, техникумы и вузы!

О народе Молдавии, умном и любознательном, талантливом и трудолюбивом, А. Глебов говорит барски пренебрежительно, точно речь идет о диких, имеющих самое смутное представление о современной цивилизации.

«Огромная человеческая вера в мудрость и умение русских людей, таившаяся в годы боярского гнета и вращающая освобождение, так велика среди молдавы, что они принимают русских агрономов за чудовей и старательно следуют их указаниям». Подвляющее большинство трудового

У ПИСАТЕЛЕЙ СВЕРДЛОВСКА

СВЕРДЛОВСК. (От наш. корр.) Сельскохозяйственная тематика стала предметом широкого обсуждения уральских писателей. В состоявшихся недавно беседах на эту тему секретарь обкома ВКП(б) по сельскому хозяйству тов. Цыганов рассказал о состоянии сельского хозяйства Свердловской области и о перспективах его развития, показал, как много есть интересных тем, не затронутых писателями.

Свердловская область за годы войны стала областью сплошной электрификации. Это не могло не повлечь за собой значительные изменения в экономике и жизни колхозов. Об этом надо писать, отметил в своем выступлении председатель облисполкома тов. Ситников.

Писатели детально обсудили затронутые тов. Цыгановым вопросы. Многие заявили о своем желании поехать в колхозы на длительный срок.

Обком партии и облисполком обещали оказать писателям всестороннюю поддержку.

Свердловское государственное издательство готовит к печати альманах «Уральский современник», посвященный тридцатилетию советской власти.

Писатели Свердловска обсудили содержа-

крестьянства Молдавии восстанавливает и развивает сельское хозяйство республики, воссе не потому, что оно по своему невежеству принимает русских агрономов за чудовей, а потому, что сознает, что его труд является частью созидательного труда всего советского народа!

До явного бреда договаривается А. Глебов в «глубокомысленных» рассуждениях о культурных связях молдавского и русского народов. Подразумеваемая, вероятно, русских агрономов, гастролирующих в Молдавии, А. Глебов пишет:

«У соседа моего сына Фому уехали скрипки. Парень играл в саду на моей старой скрипке, а они ехали и ушлили его. Что тут было! Ночь перевернули, когда провожали Фому, мать плачет, отец бранится: кто же будет ласти овец? Да где та, останься ли слезы и брань сокола, когда ему деть? Я и сам бы удетел за теми скрипачами на край света».

Фантастическую, невероятную картину Глебов пытается выдать за реальную действительность!

Говоря о трагедии молдавского крестьянства в годы оккупации Бессарабии румынскими боярами, А. Глебов не нашел более типичного, по его мнению, факта, чем жительство молдавана, бедняка на помойке, «засидевшейся в дедках дочери богатого кулака». Известно, что в черные дни войны молдавские участники войны в Тарбунжанах и Хотине, были убиты без суда и следствия. Сотни тысяч бедняков-крестьян были обречены на голод и постепенное физическое вымирание. Об этом автор говорит мимоходом, вскользь.

«Молдавский народ напряженным, каждодневным трудом восстанавливает свои города и села, заново создает промышленность, развивает сельское хозяйство. В республике завершается ликвидация неграмотности и малоратности — тяжелого наследия, оставленного оккупантами. Обо всем этом читатели могут узнать лишь из четырех иллюстраций к очерку «Утро Молдавии». В погоне за различным рода экзотическими «эффектами» автор упоминает некую подпольную трудовую героиню жизни Молдавии.

Содержанию очерка соответствует его литературный стиль — вычурный и трескучий. Вот как говорит у Глебова секретарь уездного комитета партии, простой советский человек: «Ветер сегодня больно нехорош. Не нравятся мне такой ветер, мешается. Бисос сын, будто кручину мывает. По времени будто и не положено, а может, он бурю накрутит; дурной ветер, негодный!».

Ложно-романтические пейзажи и портреты героев, их напыщенные речи не имеют ничего общего с жизнью Советской Молдавии. Иной раз в погоне за внешней красотостью автор доходит до того, что строки очерка звучат, как злая пародия:

«Пейте и скажите мне: если сокола, просидевшего всю жизнь с колышком, пустить на волю, что с ним будет? Вы этого не знаете? Я тоже не знаю» (?)».

Примеров подобных «красот стилей» можно привести множество.

А. Глебов предстал читателю Молдавскую советскую социалистическую республику в кривом зеркале, грубо искажая факты настоящего и прошлого Молдавии.

В. КУРИНА, старший преподаватель Книжнического государственного университета.

Д. ВЕТРОВ, член Союза советских писателей Молдавии.

Иллюстрация худ. Ф. Глебова из книги Якова Баша «Профессор Буйко» (Детгиз).

Альманах «Год XXX»

Бюро секции очерка и публицистики провело на днях несколько заседаний с участием писательского актива. На заседаниях было распределены обязанности между членами бюро, обсуждены планы работы секции. Председателем бюро избран Д. Заславский, заместителем — А. Крон, К. Финн, Е. Страдомская, О. Леонидов дали положительную оценку работе. Выступавшие отметили значение избранной автором темы, ее политическое звучание, яркое, интересное замысленное содержание, ясность и народность языка действующих лиц.

Выступавшие отметили и некоторые недостатки. По мнению И. Алтымова, секретаря районного комитета партии, Повог обрисован несколько схематично. А. Крон находит пьесу словесно перегруженной, он считает, что автор должен углубить психологическую характеристику основных героев.

Пьеса «Хлеб наш насущный» принята постановкой Московским театром драмы.

Стихи о Москве

Москва — неувядающая, вечно живая тема русской поэзии. Москва советская — источник вдохновения для поэтов нашего времени. О ней написано немало стихов. Но с целой книжкой, посвященной этой теме, одним из первых выступил Сергей Васильев.

Эта книга вызвала естественный интерес московских поэтов и была очень благоприятно воспринята ими на собрании поэтической секции Союза писателей, состоявшемся 13 мая.

В своей новой книге Сергей Васильев, сохранив лучшие свойства своего дарования, обнаружил и новые для него качества. Его стихи о Москве взволнованы, темпераментны, реалистичны и романтичны. Лучшие качества прежних произведений С. Васильева — простота интонации, острое чувство детали, юмор — сказались в новых его стихах. В одних случаях это поэтически философские подходы до уровня поэзии, в других — почти интимная лирика, данная в плане больших обобщений.

Таково было мнение почти всех выступивших на вечере. Отмечая удачу поэта, участники обсуждения — Н. Асеев, А. Барто, указали ему и на ряд недостатков. Некоторые стихи, как отметил Н. Асеев, затянуты, длинны. Слишком добросовестные перечисления деталей порою выводят эти произведения до стихотворного репортажа. По общему мнению, в книге есть сырые, недоработанные стихи.

25 лет литературной деятельности Анны Караваевой

Вчера литературная общественность Москвы отметила 25-летие литературной деятельности Анны Караваевой. А. Фадеев, открывший вечер в клубе писателей, приветствовал юбиляра, как представительницу старшего поколения советских писателей, творческий путь которой тесно связан с Великой Октябрьской революцией.

Характеристику творчества А. Караваевой дал Л. Субонский, подчеркивая, что основной темой ее произведений является труд. Эта тема прозвучала в годы Отечественной войны в очерках писательницы и ее повести «Огни».

О литературном труде и неустанной борьбе писательницы за повышение художественного качества произведений говорил Е. Пермитин, подробно остановившись на историческом романе А. Караваевой «Золотой ключ».

Мы росли в воспитании у одного костра — «Сибирских огней» — сказала Л. Сефидлина, вспоминая о появлении первого рассказа А. Караваевой «Флигель».

В. Герасимова, М. Колосов и А. Карцев охарактеризовали А. Караваеву как подлинного писателя-коммуниста, чуткого товарища и неутомимого общественника, много лет активно работавшую в комиссии по русской литературе краев и областей РСФСР.

Эстонская литература на русском языке

ТАЛЛИН. (От наш. корр.) Государственное издательство художественной литературы Эстонской ССР готовит к выпуску на русском языке сборник произведений эстонских классиков: Юхана Лийва, Антона Таммсааре, Эрнста Саарва и др. Впервые издаются также на русском языке роман одного из популярнейших эстонских писателей — Эдуарда Вильде «Война в Мокша».

В выпускаемую Госиздатом антологию эстонской поэзии войдут переводы стихов Л. Койдула, Я. Карьера, Ю. Лийва, И. Вареса (Барбаруса), И. Семпера, М. Рауда, Ю. Сюстиэ и А. Алле.

Отдельными книгами выйдут на русском языке стихи Л. Койдула, И. Вареса (Барбаруса), М. Рауда, Я. Карьера, новеллы молодого эстонского писателя Эдуарда Мянкя и пьеса Августа Якобсона «Жизнь в цитадели».

реализовать в миниатюре рай, о котором мечтали в Сан-Франциско».

Так обрисовывает истинная полуплека всей теории «Атлантическая культура» прива- на быть идеологической надстройкой над военно-морскими базами и банковскими филиалами США, раскинутыми по всей Атлантической зоне. Это идеологическая основа преступного «западного блока».

Содержание «атлантической культуры», хотя и по-разному определяемое его глашатаями, в общих чертах уже соответствует поставленной цели. Правда, Андре Мальро все еще оперирует туманными формулами: «надо воссоздать человека», тогда «Европа не умрет» и т. д. О роли Америки он говорит: «... все, что было создано или развито со времен первой мировой войны, связано с Америкой: убранство улиц, домовые фасады с увеличенными витринами, автомобиль и, конечно, прежде всего кино. Впервые одна страна выдвигает всему миру свой септемистический свой собственный мир своих любовников, воров и убийц. И свой юмор. Разве мы знали до Чаплина, что весь мир может смеяться над одним и тем же человеком? Но влияние США — это менее значительная сторона вопроса. Связь рождалась цивилизации с миром, — вот главное».

Более открытые и практические толкователи «атлантической культуры» разговаривают и более точным языком. В их понимании «атлантическая культура» даже не вопрос будущего. Она уже давно создана. Она наилучшего качества, как все, что носит на себе марку «сделано в США». Надо только отбросить «старинные предрассудки» и «европейские предрассудки» и смелее ее импортировать. «Атлантическая культура» — это по сути дела, американская культура, впервые «американская культура» — первая обработала не одно поколение американцев, но и ту культуру, которая подпадает под ее влияние. Только такая личная делаящая культура в состоянии спасти Старый Свет. «Чрезмерная интеллектуальная шепельность и абстрактность лежат в основе кризиса европейской цивилизации», — заявляет один из поклонников «здоровой долларовой культуры» Чоран. Новая культура привнесет к «некоему схематизации человека. Но это не беда», — говорит другой поклонник современной американской цивилизации.

Однако европейские поклонники доллара хотят внести и свою лепту в эту схему. Они мечтают об «упрощении человека», но знают, что это не так-то легко, когда речь идет о европейской интеллигенции. Поэтому один из них предлагает любопытный символ между «долларовой культурой» и Николаем Бердяевым: «Только теперь...».

В Союзе советских писателей СССР

Новая пьеса Н. Вирты Обсуждение цикла стихов С. Васильева в Москве в Комиссии по работе с молодыми писателями

«Хлеб наш насущный» Новая пьеса Н. Вирты «Хлеб наш насущный» посвящена послевоенной советской деревне. Показывая колхозников, самоотверженно борющихся за выполнение плана хлебосдачи, пьеса вместе с тем разоблачает зазнавство, политическое недовольство, самоуспокоенность и бюрократизм некоторых местных руководителей. Таков один из персонажей пьесы, председатель райсовета Тимоша, позволяющая чуждому колхозному строю людям развивать свою вредную деятельность.

12 мая Н. Вирты прочел свою новую пьесу на собрании секции драматургов Союза советских писателей. Участники обсуждения И. Чирков, И. Алтымов, Л. Лагин, А. Крон, К. Финн, Е. Страдомская, О. Леонидов дали положительную оценку пьесе. Выступавшие отметили значение избранной автором темы, ее политическое звучание, яркое, интересное замысленное содержание, ясность и народность языка действующих лиц.

Выступавшие отметили и некоторые недостатки. По мнению И. Алтымова, секретаря районного комитета партии, Повог обрисован несколько схематично. А. Крон находит пьесу словесно перегруженной, он считает, что автор должен углубить психологическую характеристику основных героев.

Работа с молодыми авторами

При Союзе советских писателей СССР образована комиссия по работе с молодыми писателями.

Первое заседание, состоявшееся 13 мая, было посвящено обсуждению плана работы. Решено на ближайших заседаниях заслушивать сообщения работников журнала «Октябрь» и газеты «Комсомольская правда» о деятельности их литературных объединений и сообщать представителям Литературного института Союза советских писателей о творческой работе со студентами. Комиссия будет систематически обсуждать творчество молодых писателей.

Комиссия решила заслушать на бюро сообщение издателя «Московский рабочий» и «Молдавия гвардия» об окончательной редакции альманахов, намеченных сейчас к изданию большими тиражами. Будет также обсуждено содержание сборника произведений студентов Литературного института Союза писателей, подготовленного к печати издательством «Советский писатель».

Секретариат Союза писателей наметил ряд творческих командировок для молодых писателей. В первую очередь они будут предоставлены литературной молодежи прибалтийских республик, чтобы помочь ей ознакомиться со страной.

Избрано бюро комиссии, в которое вошли: А. Фадеев (председатель), К. Паустовский, А. Твердовский, П. Антокольский, С. Наровчатов, М. Луконин и П. Воронько. Установлено дежурство членов комиссии в Союзе писателей для приема молодых авторов по творческим вопросам.

АНТОЛОГИИ БРАТСКИХ ЛИТЕРАТУР

В связи с тридцатилетием советской власти Госиздат готовит к печати ряд богатых, иллюстрированных антологий и сборников, посвященных русской литературе и литературам братских народов Советского Союза.

Антология грузинской поэзии включает народную поэзию и произведения поэтов от XII века до наших дней. Книга выходит под редакцией В. Гольдцева, с иллюстрациями И. Тондзе и Н. Мухина.

Народный эпос, образцы классической поэзии XVIII века, песни народных шахинов и произведения современных поэтов войдут в Антологию туркменской поэзии. Иллюстрации к книге сделаны художником И. Костяевым, Н. Ильиным и Г. Петровым. Редакторы-составители — Б. Кербабая и П. Скосырев.

В книгу, посвященную поэтам Узбекистана, войдут пять народных эпических поэм, творчество узбекских классиков и современных поэтов. Предисловие Айбека.

Памяти мариинского классика М. Шкетана

ИОШКАР-ОЛА. (От наш. корр.) В мае отмечался 10-летие со дня смерти основоположника мариинской литературы М. Шкетана (Я. П. Майорова). Перу Шкетана принадлежат ряд пьес, повестей, рассказов. Его роман «Эренер» выпущен в русском переводе.

Правительство Марийской республики постановило увековечить память писателя. Устанавливается надгробный памятник на могиле М. Шкетана в селе Оршанка. Имя

его присваивается великопосольской средней школе Оршанского района.

Марийский научно-исследовательский институт проведет в мае научную сессию, посвященную памяти М. Шкетана. На предприятных и в колхозах будут прочитаны лекции и доклады о его жизни и творчестве. Марийский госиздат выпустит полное собрание сочинений писателя в 5 томах и сборник его избранных произведений в переводе на русский язык.

являет он... — становится ясным идею, высказанную Николаем Бердяевым в книге «К новому средневековью».

Справедливо признан подкрепляет Липпмана Антона бомба связывается с мечтой о средневековье. Во всем этом есть своя закономерность. Проникновению доллара в Европу, в какой бы форме он ни происходило, содействует самим реакционными кругами общества, дажно уже достигшие до философии разложения и упадка. Вот почему своеобразное сращивание их философии с долларом может, действительность, произрастать такой гибриды, как «долларовое средневековье». А это уже вполне приемлемый идеал для той части европейской интеллигенции, которая связала свою судьбу с историческими обременениями классами.

Однако те, кто призван «господствовать» в мировой культуре, сами находятся в полной зависимости от интересов, не имеющих ничего общего с подлинной культурой. В отличие под кричащим заголовком «Будущее господство американской литературы в мире атомной энергии», появившейся в американской «Ливингдэн ньюс», можно прочесть между прочим, такое рассуждение: «Чтобы стать литературой, образовой для всего мира, американская литература должна прежде всего завоевать свою свободу в коммерческом отношении, порвать с фабричными образцами, на которые имеется спрос на отечественных «сверхрынках» и в индустриальных центрах литературы, т. е. порвать с Голливудом и Бродвеем, с книжными клубами, выпускающими массовые издания, и с журналами для масс. Она также должна будет завоевать свою духовную свободу, освобождаться от неписанной цензуры. Это значит, как признание собственной беспомощности».

Так американское кино пользуется наибольшим распространением и известностью во всем мире. Именно с него начинают свои пириды глослант «долларовой культуры» в Европе. Но вот что говорит о современном американском кино сами американцы.

«Американский фильм, — заявил недавно Сэмюэл Голдуин, — стал идеологически пустым и бессмысленным. Он живет за счет своей бойкой славы. За небольшими исключениями достаточно сегодня посмотреть одну голливудскую кинокартину, чтобы извратить себя от необходимости видеть сотни других, точно таких же пленок. Если мы не изменим, то потеряем свои позиции. Сегодня фильм будущего создается в студиях Миссия, Рима, Парижа. Голливуд заложил от презумпции. Ему нет больше сказать ни мне, ни вам. Он со страхом держится полярные от реальной жизни. Неостановлено менять тему кинокартин, надо изменить принцип». Над Москвой, Парижем и...

Советские писатели Украины

5 июня в Киеве откроется республиканское совещание молодых писателей Украины. В нем примут участие свыше 100 человек. Советание продлится пять дней. С докладом выступят академики А. Беленкий — «Мировое значение советской литературы», Е. Адельгейм — «Чтение Ленина — Сталина о партийности литературы», И. Кошера — «Украинская литература — драматургия», И. Свобун — «Пути развития украинской советской прозы», Н. Шеремет — «О творчестве молодых», проф. А. Гозензунд — «Кризис современной буржуазной литературы» и С. Крыжановский — «Украинская советская проза».

В работе секции примут участие виднейшие украинские писатели и поэты. Устные совещания выступят на вечерах с чтением своих произведений. Молодые писатели встретятся с мастерами искусства, прослушают новые постановки киевских театров, посетят музеи и в заключение совершат поездку по Днепру в Канев — на могилу Тараса Шевченка. Кабинет молодого автора при Союзе советских писателей Украины готовит к собранию альманах, в который войдут произведения молодых прозаиков, поэтов и драматургов.

Книги сказителей

АРХАНГЕЛЬСКИЙ. (От наш. корр.) Архангельский облигз выпускает книгу известной сказительницы М. Кроковой «О богатых староребрих и нищих» и А. Гладику-Борозовой «Сказы». В ближайшее время выйдет «Песни Севера», составленные участниками Северного русского народного хора. Подготовлен к печати сборник сказительницы М. Кривоносовой «Былины, сказочники, сказки».

Большой интерес фольклористов вызвала найденная недавно в Архангельске рукопись столетней давности, содержащая много древних колдовских заговоров.

ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ ПОЧТЫ

На днях подписчики ежемесячного журнала «Славянский вестник» (дальнейшего чешских наук РСФСР) были приятно извещены получением первого номера за 1947 год.

Вечером пионерка на титульном листе подарила их: «С новым годом», опоздав всего на каких-нибудь пять месяцев. Вскоре в редакцию «Славянского вестника» последняя странная гирлянда, где красуются строки: «Издательство Академии педагогических наук».

Бывает, страница непарная журнал зарезает без ножа... что ж, поздравления устарели, но орфография свежа.

Чего не вытерпит бумага! Жду номер следующий. Вдруг Там О-каемия Педаго? Педаго? Гомески? Ноу?

Про камуфлет такого рода Не может ли честной народ, Что, мол, в «Семье» не без урода И в «Школе» не ходил урод.

В НЕКОРРЕКТНОМ СТРОК

О Сборник произведений 16 белорусских писателей, погибших на фронтах Отечественной войны, подготавливается к печати в Белоруссии. Сюда же войдут статьи о творчестве этих писателей, воспоминания о них, биографический материал.

«На прошлом нашем крае» — так называется серия, подготовленная к печати Дальневосточным государственным издательством. В нее войдут историко-биографические очерки о выдающихся русских людях — исследователях Приамурья и Приморья. Две книги из этой серии уже вышли из печати и поступили в продажу: Н. Рябова «Адмирал Невельский» и подлинный очерк М. Штейна «Пол. Муравьев-Амурский».

А готовятся к печати книги Н. Рогова «В Арсенале».

«Конференция писателей, посвященная 25-летию журнала «Славянский вестник» проводится в Новосибирске в последние числа мая.

«Редкая газета «Красноярский рабочий» приступила к изданию серии брошюр о первооткрывателях сельского хозяйства».

НОВЫЕ КНИГИ

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

М. Яковлева. Кораллы выйдут в море. Роман. 498 стр. Тираж 30.000. Цена 11 руб. 75 коп. Арк Куденов. Станкогорняки. Переводы с белорусской. 128 стр. Тираж 10.000. Цена в обложке 5 руб., в переплете — 5 руб. 50 коп.

Фатых Карим. Огонь песни. Стихотворения, переводы с татарского под редакцией С. Липкина. 104 стр. Тираж 5000. Цена в обложке 4 руб., в переплете — 4 руб. 50 коп. В. Давыдов. Восточная сторона. Повесть. 208 стр. Тираж 15000. Цена 5 руб.

ВОЕННИК

Герой Советского Союза Пажинко начал Великую Отечественную войну старшим лейтенантом, командиром танковой роты. С первых же дней войны он вел фронтные дневники, эти дневники легли в основу книги «Дневники советского офицера», выпускаемой Военгизом.

Римом уже встает зорь новой эры кинематографии.

Такое мнение отнюдь не левого американского киноделателя. Мистер Сэмюэл Голдуин является, как известно, владельцем знаменитой киновирни, одним из всемирных «боссов» Голливуда. Для тех, кто готов в угоду доллару похоронить «старшую Европу» и провозгласить «культурное превосходство Америки», слова Голдуина звучат, как поощение.

Впрочем, у европейской интеллигенции уже есть на этот счет собственный опыт. В военные годы в Америке она была знакома с европейскими писателями и режиссерами. Вот что говорит один из них — Эрик-Мария Ремарк, которого никак нельзя заподозрить в излишней прогрессивности: «Американский фильм, — заявил Ремарк, поработав некоторое время в Голливуде, — атрофируется в своей основе. В Голливуде работают по шаблону. Нет другого места на земном шаре, где так много гонимых бы им, как в Голливуде. Комбинация между коммерческой ослепкой, цензурой, погоней за сенсацией и искусством почти всегда смертельна... т. е. русские, французы, швейцарские и британские фильмы, которые дошли до нас, всегда лучше, чем многочисленные бывшие Голливудские. Почему? Потому что их делали люди искусства».

Можно было бы привести подобные же свидетельства об американской печати, радио, издательском деле. Во всех областях американской культуры положение не лучше, а часто и хуже, чем в деловых кругах Голливуда.

Денежная цивилизация имеет, конечно, в своем распоряжении внушительную материальную силу. Но ее «господство» в мире — это пропагандистский миф, рассчитанный на слабонервных и простаков.

«Долларовой дипломатии» не удалось повсеместно воскресить европейское радио. Даже там, где это произошло, как, например, в Греции, реакция вынуждена вести вооруженную борьбу против своего врага.

Тем меньше шансов у «долларовой культуры» господствовать в Европе. Культура, основанная на прибыли и наживе, не имеет будущего в мире. Она вызывает все большее недоверие и возмущение даже у себя на родине. «Долларовое средневековье» не будет!

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: Б. ГОРБАТОВ, В. КОЖЕВНИКОВ, А. МАКАРОВ (зам. главного редактора), В. СМЕРНОВА, А. ТВАРДОВСКИЙ.

Европейские поклонники доллара

Экспансия доллара в Европу, как известно, сопровождается мощным «духовным» наступлением на Старый Свет. В услужение к американским монополистам охотно идут не только биржевики, обанкротившиеся политики и безработные фашисты. У доллара уже есть в Европе, как и в Америке, свои поэты и присяжные философы, которые старательно доказывают, что американские ценности — это не только о прибыли и конспирации, но и о «культурном возрождении» Европы.

Некий французский литератор Поль Шеффер на трех сотнях страниц книги «Америка, мы тебя не знаем» распыляет долларовой май. Все, что есть в Америке, а также все, чего в ней нет, свидетельствует о ее превосходстве. Шеффер, например, заявляет, что в Америке нет старинных церквей, что же, это и не нужно. Ведь сама Америка — миф и земной рай, в буквальном смысле слова. В этом раю Шеффер увидел все мыслимые чудеса, включая новый гуманизм и «новый тип человека». Он не обратил внимания только на мелочи, того и не заслуживающие, — такие, например, как безработица или расовая дискриминация. Правда, на 75-й странице своего труда автор мимоходом пишет: «За исключением периодов безработицы (а это уже другой вопрос), здесь нет бедняков». И на протяжении всей книги он к этому «другому вопросу» больше не возвращается.

Связь между материальным и духовным состоянием буржуазного общества теперь стала более явной, чем когда бы то ни было. Европейские колонизаторы пришли к «культурной роли» Америки, но лишь в предельно узком кругу. Американские друзья и американские критики. За туманными рассуждениями о будущем «европейских духовных ценностей» скрывается животный страх перед растущим социально-экономическим кризисом буржуазии. В такой обстановке доллар кое-кому кажется универсальным спасительным средством, которое должно предотвратить полит